

Секция «Журналистика»

Структура современного литературного процесса

Войткевич Никита Рафаэлевич

Соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

журналистики, Москва, Россия

E-mail: caterpills@yandex.ru

Изменения, произошедшие в сфере литературного творчества за последние двадцать лет, во многом сходны с теми, которые отмечались в 1920-е гг. Приведём фрагмент из статьи Б. М. Эйхенбаума «Литература и литературный быт», опубликованной в 1927 г.: «Литературная борьба потеряла свой прежний специфический характер: не стало прежней <...> полемики, нет отчётливых журнальных объединений, нет резко выраженных литературных школ, нет, наконец, руководящей критики и нет устойчивого читателя», при этом «литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то “вне-литературным” признакам <...> которые можно назвать литературно-бытовыми» [1, 183]. Опираясь на мысль Эйхенбаума, попытаемся сравнить современную литературную ситуацию с предыдущей, «перестроечной» (1986 – 1991).

Рубеж 1980 – 90-х гг. в русской литературе проходил под знаком острейших критических полемик. В этот период обнажился и упрочился сдерживаемый прежде конфликт между двумя идеологически противоположными лагерями – *либерально-демократическим* и *национал-патриотическим* (некоторые исследователи, впрочем, говорят о *трёх* лагерях, разделяя консерваторов на *новых славянофилов* и *национал-большевиков* [2, 547]. Здесь мы рассматриваем их в рамках единого консервативного движения). Н. Иванова подчёркивает, что «именно через критику – вернее, благодаря ей – зашатался и рухнул миф о единой интеллигенции, о единстве её дум и чаяний. Окончательно прояснилось, <...> что думает и “чаёт” каждая группировка по-своему» [3, 204].

В спорах между либералами (сторонниками демократических преобразований, инициаторами М. Горбачёвым) и консерваторами (среди которых были и монархисты, и коммунисты, и националисты. В. Ганичев подобрал для них общее определение – «державники»), сталкивались не столько эстетические, сколько политические позиции. Как либералы, так и патриоты видели в литературе мощнейшую силу, способную определить дальнейшую судьбу страны.

К враждующим группировкам принадлежали, преимущественно, критики двух поколений – «шестидесятники» и «семидесятники». Первые (наиболее авторитетные) начали публиковаться ещё в эпоху оттепели: Л. Аннинский, Г. Белая, И. Виноградов, Р. Гальцева, И. Дедков, И. Золотуский, В. Кожин, С. Куняев, Ф. Кузнецов, Л. Лазарев, В. Лакшин, А. Марченко, К. Мяло, С. Рассадин, И. Роднянская, Б. Сарнов, В. Турбин и другие. «При всей идеологической разнице, – пишут Б. Дубин и Б. Менцель, – главное, что их объединяло, – это идущая от эпохи оттепели вера в высокий социальный статус литературы и критики. Отсюда – миссионерство, уверенность в собственной общественной роли, ожидание того, что их просветительская и нравственная позиция даст новые импульсы процессу духовного и политического обновления общества» [2, 548]. Вторые заявили о себе в 1970-е гг.: В. Бондаренко, П. Вайль, А. Генис, Т. Глушкова, В. Ерофеев, Н. Иванова, А. Казинцев, А. Латынина, Вл. Новиков, К. Степанян,

В. Топоров, С. Чупринин, М. Эпштейн. Профессиональное становление семидесятников происходило в период застоя, когда надежды советской интеллигенции на социальные и политические реформы рухнули. Примечательно, что критики-семидесятники в своих работах первыми начали систематически обращаться к наследию формальной школы (Вл. Новиков), постмодернистской эстетике (В. Ерофеев, М. Эпштейн).

Активная полемика либералов и патриотов, как справедливо замечают И. Кукулин и М. Липовецкий, «...имела смысл только в присутствии советского официального дискурса и, по существу, являлась попыткой оказать на него влияние в период его <...> перестроечных трансформаций» [4, 638]. Закономерно, что после распада СССР их противостояние постепенно угасает. «Былой накал идеологического противоборства, – констатировал в 1999 г. журнал «Знамя», – сменился стойким взаимным равнодушием» [5, 4]. «Какое дело нам до чужого дома, – прямо заявляет консерватор К. Кокшенёва, имея в виду либеральную критику, – когда в своём растранижено в последние годы многое из того ценного, что составляло смысл русской критики» [6].

В наши дни *идеологическое* разделение, как пишет С. Чупринин, сменилось *литературно-бытовым*. «Литературный процесс, – пишет С. Чупринин, – и вместе с ним литературное сообщество утратили структуру (sic! – Н. В.), лишились ориентиров, силовых линий и, вполне возможно, сползли бы в хаос, не сработай у господ сочинителей (и групп их поддержки) <...> способность объединяться и размежёвываться уже не только по формальным (кто где печатается, кто за что голосует), но и по гораздо более прихотливым, неявным, зачастую не поддающимся формулированию (sic! – Н. В.) признакам».

Объединения, возникшие по литературно-бытовым признакам, Чупринин именует *тусовками*, подчёркивая, что «именно этим словом (за неимением более точного и, главное, безоценочно нейтрального) до сих пор называют те престранные образования, которыми заместились у нас и партии, и писательские союзы, и литературные школы (sic! – Н. В.)». «Разумеется, *тусовок* (кланов, клубов, каст, корпораций, субкультур – ни одно обозначение не годится) сегодня неисчислимое множество. Своя – у фантастов, свои – у сексуально или национально озабоченных литераторов (sic! – Н. В.), по своей – у авторов “НЛО”, “Птюча” или толстожурнального сообщества» [7, 181].

Однако и здесь не всё так однозначно, поскольку «есть авторы, демонстративно отстраняющие себя от общности с кем бы то ни было – подобно Владимиру Богомолу или Дмитрию Галковскому. Как есть арбитры, добровольно следящие за чистотой рядов и соблюдением внутрикорпоративного кодекса чести, – предположим, Андрей Немзер. И как есть прирождённые нарушители – вроде Льва Аннинского, Алины Витухновской или Юрия Мамлеева, с одинаковыми почестями (или одинаковым безразличием) встречаемых в самых различных станах» [Там же, 182].

«На протяжении приблизительно ста шестидесяти лет, с 1820-х до 1980-х годов, – как пишут И. Кукулин и М. Липовецкий, – литературный процесс в русской культуре, как было принято считать, воплощался в толстых журналах», поэтому не удивительно, что главной площадкой для полемики между либеральными и консервативными критиками стали именно они [4, 642]. Здесь также произошло разделение по идеологическому признаку. К либеральному лагерю относились журналы «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Юность», «Звезда», «Нева», а к национал-патриотическому – «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия».

Если говорить об *идеологии*, то в наши дни разделение толстых журналов на ли-

беральные и консервативные сохраняется. Однако понять, чем они отличаются *эстетически*, порой бывает непросто. Л. Гудков, сравнивая эстетические ориентиры двух враждующих лагерей, пришёл к выводу, что «собственно литературных расхождений у этих “партизан” не так много», поскольку поэтика текстов, которые они публикуют в своих журналах, «достаточно рутинна и неоригинальна», пусть даже «среди “патриотов” больше тех, кто воспроизводит писательские шаблоны и технику советского романа-эпопеи», а «среди “демократов” – несколько больше эпигонов модернистской прозы» [8, 26].

С. Чупринин высказывает сходную мысль: «... Может быть, беда всех нынешних литературных изданий <...> как раз в том и состоит, что они, различаясь качеством, неразличимы позиционно, вот именно что направленчески? И не в этом ли одна из причин охлаждения публики к нашей литературной печати, ибо подписчик лишён удовольствия выбрать именно *свой* журнал, именно *свою* газету?» [9, 38].

Тем не менее, сам Чупринин формулирует направление руководимого им «Знамени» довольно расплывчато: «всё, кроме фашизма». Эта расплывчатость приводит к странным последствиям. Многих, например, удивило, что именно в «Знамени» состоялась посмертная публикация «лианозовца» Вс. Некрасова, хотя Чупринин когда-то твёрдо заявил: «Остаётся мысленно говорить <...> Илье Резнику <...> или Станиславу Куняеву <...> или Всеволоду Некрасову: “Вы имеете полное право быть такими, какими вы стали. Но отстаивать это право или пользоваться своими правами вам, извините, придётся не на страницах ‘Знамени’, а где-нибудь в другом месте”» [10, 124; 11, 90].

На протяжении 1990 – 2000-х гг. толстые журналы постепенно утрачивают роль главных организаторов литературного процесса. Некоторые из них и вовсе исчезают из поля зрения читательского сообщества – например, «Молодая гвардия». «Местом критики середины и конца 1990-х стали не литературные журналы, а газеты и еженедельники», – констатируют И. Кукулин и М. Липовецкий [4, 677].

Литературные школы, о которых спорили критики 1970 – 80-х гг. («деревенщики», «тихие лирики», прозаики «поколения сорокалетних»), в 1990-е гг. постепенно распадаются или деградируют (как в случае с «деревенщиками»). Входящие в них (или причисленные к ним критикой) поэты и прозаики продолжают работать уже самостоятельно. В 1990 – 2000-е гг. принципиально новых литературных школ (по крайней мере, общепризнанных), по словам критиков, не возникает. Вл. Новиков признаётся, что «с удовольствием связал бы свои порывы и усилия с исканиями какой-то художественной школы, какого-то эстетического (не политического!) направления», однако «таковых пока просто не имеется. Ни при журналах, ни при тусовках. Где они, новые серапионы, новые обэриуты, словом “новые новые”?» [12, 36]. По мнению Л. Данилкина, сколько-нибудь заметные литературные направления сегодня отсутствуют потому, что нынешнюю литературу «делают одиночки», которым для работы не требуется никакой литературный процесс – «им достаточно предшественников» и не нужны соратники [13, 48].

Критика на рубеже 1980 – 90-х гг. была преимущественно *публицистической* – она не только *анализировала* художественный текст, но и *воспитывала* читателя. Как пишет Н. Иванова, в критических статьях той поры «при помощи литературных примеров ясно, образно, публицистично, <...> в доступной форме *народу объясняли, как надо и как не надо себя вести*» (курсив наш. – Н. В.) [3, 204]. А вот «заниматься

<...> поэтикой эта критика никогда не любила»: о художественных достоинствах текста критики-публицисты писали, преимущественно, «в контексте общегуманитарного разговора» [Там же, 206].

Социальный статус «перестроечной» критики заметно отличался от сегодняшнего: «Критиков ценили. Их приглашали, даже зазывали, интересовались их просвещённым мнением по всем без исключения вопросам, <...> и мешки читательских писем, получаемые после выхода очередной литературно-критической бомбы, свидетельствовали о чём угодно, только не о равнодушии» [Там же].

Толстые журналы, печатавшие критику, выходили огромными тиражами. Например, в начале 1989 г. тираж «Нового мира» достиг 1, 595 млн экземпляров, «Дружбы народов» – 1, 170 млн, «Знамени» – 980 тыс.

Сегодня «идеологическая, “руководящая” и “направляющая” роль критики отошла в прошлое» [Там же, 203]. В новое время ни писателю, ни читателю, ни, тем более, издателю, критики-идеологи (каких бы воззрений они ни придерживались – коммунистических, националистических или либеральных) оказались не нужны.

Критика в СССР была своего рода общественной трибуной, «с высоты которой можно поведать свету <...> о проблемах политики, философии, морали, права, разумного хозяйствования» [14, 433]. В 1990-е гг. обсуждение подобных проблем «становится делом более узких специалистов: репортёров, политологов, социологов, экономистов и т. п. Мало кто из <...> критиков мог (и хотел) конкурировать с ними на этом поле» [4, 636].

Изданий, публикующих литературную критику, сегодня немного, и тиражи их, по сравнению с «перестроечными», невелики. В массовых газетах и журналах (за редким исключением) место критики занимает литературная журналистика, ориентированная не на последовательный разбор художественного произведения, а на развлечение читателя и рекламу книжных новинок.

Кроме того, в наши дни существенно понизился уровень читательских запросов – как с точки зрения самого художественного произведения, так и с точки зрения его анализа и интерпретации. «Мыслящий собеседник», к которому обращается в своих статьях критик, «всё больше превращается в привидение» [15, 172].

Учитывая сказанное, можно предположить, что все перечисленные элементы – полемика, журнальные объединения, литературные школы, руководящая (притом не обязательно директивная, инструкторская) критика, устойчивый читатель) – в целом *определяют структуру литературного процесса*. В кризисные эпохи, когда прежняя структура разрушается, а новая только начинает формироваться (именно в этом 1990-е похожи на 1920-е), они на некоторое время приобретают «нулевое значение», чтобы впоследствии вновь проявиться – возможно, уже в ином качестве.

Литература

1. Эйхенбаум Б. М. Литература и литературный быт // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Ч. I. Тарту, 1976.
2. Дубин Б., Менцель Б. Литературная критика и конец советской системы: 1985 – 1991 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011.

3. Иванова Н. Между: о месте критики в прессе и литературе // Новый мир. 1996. 1.
4. Кукулин И., Липовецкий М. Постсоветская критика и новый статус литературы в России // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011.
5. Современная литература: Ноев ковчег? [Редакционная] // Знамя. 1999. 1.
6. Кокшенёва К. О русском типе критики // Русское поле. Содружество литературных проектов. <http://moloko.ruspole.info/node/850>
7. Чупринин С. Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. 1.
8. Гудков Л. Современная литература: Ноев ковчег? // Знамя. 1999. 1.
9. Чупринин С. Критики о критике // Вопросы литературы. 1996. 6.
10. Некрасов Вс. Казань реально // Знамя. 2009. 9.
11. Чупринин С. Здесь Родос – здесь и прыгай! // Арион. 1998. 3.
12. Новиков Вл. Критики о критике // Вопросы литературы. 1996. 6.
13. Данилкин Л. От первого яйца // Афиша. 2007. 215.
14. История русской литературной критики / Под ред. В. В. Прозорова. М., 2002.
15. Ремизова М. Преступление и наказание критики // Октябрь. 2008. 7.